

Романов Ю.А. "Записки из подполья": история и современность (К 140-летию юбилею выхода в свет) // Межвузовский научн. сб. "Вопросы русской литературы". –Симферополь: Крымский архив, 2004. –Вып. 10(67). –С.110–121.

Ю.А. РОМАНОВ

"ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ" Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (К 140-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ВЫХОДА В СВЕТ)

Значимость повести "Записки из подполья" для понимания художественного мира Достоевского трудно переоценить. Как отмечал Л.П. Гроссман: "Записки из подполья" – одна из самых обнаженных страниц Достоевского. Никогда впоследствии он не раскрывал с такой полнотой и откровенностью все интимнейшие, не предназначенные на показ тайники своего духа" [1, с.299]. Став предтечей великих романов Достоевского, это произведение оказало влияние на последующее развитие не только русской, но и мировой литературы.

И в наши дни, по прошествии почти 140 лет со времени опубликования, интерес к повести Достоевского не ослабевает. Согласно библиографическим данным Международного общества Достоевского (IDS) с проблематикой повести связано около 70 работ, опубликованных за последние годы [см. 2–4]. При этом их количество неуклонно возрастает.

Цель настоящей статьи – представить краткий историко-литературоведческий обзор научно-критического наследия, посвященного повести Достоевского, со времени ее выхода в свет по наше время; наметить наиболее важные направления изучения "Записок..." и, в частности, обозначить перспективы архетипного подхода к анализу "подпольного" феномена.

Следует отметить, что сразу после публикации в журнале "Эпоха" "Записки из подполья" не привлекли особого внимания критики. Высокую оценку повести дал лишь Ап. Григорьев и – из противоположного лагеря – памфлетом "Стрижи" откликнулся Салтыков-Щедрин, высмеявший с сатирической беспощадностью как участников журнала "Эпоха" в целом, так и произведение Достоевского в частности. Как отмечает Е. Кийко в примечаниях к академическому изданию "Записок из подполья", "интерес

критики к этой повести пробудился уже после опубликования романа Достоевского "Преступление и наказание" [5, т.5, с.382].

Так, Н. Страхов в статье "Наша изящная словесность" (1867г.), отмечая исключительность "подпольного" "антигероя" и допуская существование таких людей, считал, однако, что чаще встречаются "явления", "не достигающие этого предела". Заслугу Достоевского он видел прежде всего в пронизательности и умении изображать "нравственные шатания" и "страдания", порождаемые "нравственной неустойчивостью" [там же].

В 80-е годы XIX века повесть привлекла особое внимание Н.К. Михайловского, который посвятил ей отдельный раздел в своей известной статье "Жестокий талант". Приведя в качестве примера ряд "образчиков" изображения автором "мучительских поступков и жестоких чувств", Михайловский пришел к выводу о том, что высказывания и действия "подпольного" героя отражают "самодовлеющую" наклонность Достоевского к "возвеличиванию" страдания [6].

Восемь лет спустя появился развернутый комментарий "Легенды о Великом Инквизиторе", написанный В. Розановым, где Достоевский, пожалуй, впервые (после трех речей о писателе В. Соловьева) предстал не в традиционной роли певца "униженных и оскорбленных", а как "открыватель метафизических ценностей и религиозный пророк" [7, с.8]. "Записки из подполья" названы здесь Розановым "первым краеугольным камнем в литературной деятельности Достоевского" [8, с.73]. В повести, важной, по оценке Розанова, "каждою своею строкою", Достоевский показал "иррациональность человеческого существа" и обнаружил в нем "присутствие чего-то мистического, без сомнения переданного ему в самом акте творчества"; выразил необходимость взгляда на человека "как на нечто неизмеримо высшее, чем... думали о нем, религиозное, священное, неприкосновенное". "Показав иррациональность человеческой природы и... *мнимость конечной цели* (курсив В. Розанова – Ю.Р.), он выступил на защиту не относительного, но абсолютного достоинства человеческой личности –

каждого данного индивидуума, который никогда и ни для чего не может быть только средством" [там же, с.68, 74, 73].

Лев Шестов, чьи взгляды признавались весьма влиятельными, рассматривал "Записки из подполья" как "публичное" отречение Достоевского от своего прошлого, от идеалов "служения последнему человеку" [9, с.171, 170]. По мнению Шестова, в "Записках из подполья" Достоевский "рассказывает свою собственную историю" – историю "перерождения убеждений". Ужаснувшись всему "стихийному, безобразному и страшному", проснувшись в его душе (т.е. "подполью" – Ю.Р.), Достоевский якобы впоследствии принужден был "постоянно иметь в запасе показные идеалы, которые он тем истеричнее выкрикивал, чем глубже они расходились с сущностью его заветных желаний", и этой двойственностью проникнуты "его позднейшие произведения все до одного..." [там же, с.172–174]. Такое же перерождение убеждений, по мнению Шестова, пережил и Ницше. Назвав Достоевского своим учителем, Ницше признал в его лице, как полагал Л. Шестов, "своего родного человека" [там же, с.149].

В духе русского нищезанства оценивал "Записки из подполья" и М. Горький: "Весь Ф. Ницше для меня в "Записках из подполья". В этой книге – ее все еще не умеют читать – дано на всю Европу обоснование нигилизма и анархизма" [10, с.21].

По мнению Д. Мережковского, различие между Достоевским и Ницше в оценке "последней свободы" лишь в том, что первый, воплощая в своих героях "подпольные" идеи, но "не договаривая" их, все же пытается "ухватиться" за русское православие, в то время как другой – восхваляет Человекобога: "Так же как Ницше... считает он (Достоевский – Ю.Р.) последнюю свободу даром Человекобога, Антихриста, с тою лишь разницею, что Ницше благословляет, а Достоевский проклинает этот Антихристовый дар" [11, с.217–218].

Н.А. Бердяев, высоко ценивший творчество писателя, полагал, что мысли, высказанные в "Записках из подполья", являются "потрясающими по

гениальности", и призывал искать в них "первоисточника всех открытий", сделанных Достоевским о человеке на протяжении всего его творческого пути [12, с.50].

По мысли Бердяева, если до "Записок из подполья" Достоевский был еще не более чем "гуманист, полный сострадания к "бедным людям", к "униженным и оскорбленным", к героям "мертвого дома", то с "Записок из подполья" начинается гениальная идейная диалектика Достоевского. Он уже не только психолог, он – метафизик, он исследует до глубины трагедию человеческого духа. Он уже не гуманист в старом смысле слова... Он окончательно порвал с гуманизмом Белинского..." [там же, с.36]. В то же время Н. Бердяев не разделял мнение Л. Шестова о Достоевском как об "исключительно... подпольном психологе": "Подпольная психология у Достоевского есть лишь в момент духовного пути человека. Он не оставляет нас в безвыходном кругу подпольной психологии, он выводит из него" [там же, с.141]. Потеряв гуманистическую веру в человека, Достоевский остался верен христианским принципам, углубил, укрепил и обогатил их. Поэтому он не мог быть "мрачным, безысходно-пессимистическим" писателем. В "самом темном и мучительном" у Достоевского есть "свет Христов" – "освобождающий свет" [там же, с.37].

Подводя итоги более чем тридцатилетнего изучения творчества писателя в период "между юбилеем его смерти и рождения", А. Долинин в редакторском предисловии к изданному в двадцатые годы сборнику научных трудов "Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы" пришел к следующему выводу: "...в течение слишком тридцати лет до наших дней Достоевского воспринимали почти исключительно со стороны идейной – как философа или религиозного мыслителя. И, несмотря на всю субъективность, которая нередко окрашивала работы о нем... тенденции развития его религиозно-философских воззрений уловлены... правильно..." [13, с.1]. При этом "Записки из подполья" оценивались А. Долининым как важнейшее

произведение, ставшее "пролегоменами ко всему художественному творчеству Достоевского послекаторжного периода" [там же, с.323].

"Важным противовесом" религиозно-философскому осмыслению искусства классика считалось в те годы направление, выработанное в семинаре по изучению творчества Достоевского, действовавшем под руководством А.Л. Бема при Русском народном университете в Праге [14, с.6]. Ученые, принимавшие участие в работе семинара (Д. Чижевский, А. Флоровский, С. Гессен, И. Лапшин, Н. Лосский), рассматривали наследие великого русского писателя и его эпоху с точки зрения различных гуманитарных наук. При этом многие участники семинара (отчасти под влиянием психиатра Н. Осипова) увлекались учением Фрейда, психоанализом, что и нашло отражение в ряде их докладов и выступлений. Как отмечает М. Бубеникова, "в достоеведении А. Бема как будто сконцентрировалось стремление участников семинара к применению психоанализа в литературоведении. Однако у него эта тенденция опиралась на традицию школы А. Веселовского и А. Потебни, и А. Бем считал важным теоретически осмыслить разницу-грань между психоанализом и литературоведением и много энергии отдал объяснению значения сохранения автономии литературоведческого анализа" [там же, с.7].

На наш взгляд, в работах А.Л. Бема были заложены основы архетипного подхода к пониманию творчества Достоевского, поскольку в центре внимания исследователя находился анализ образов и мотивов, проходящих через художественное пространство произведений мировой классики (в частности, таких, как "Фауст", "Гамлет", "Макбет", "Дон-Кихот").

Образ "подпольного" человека также осмысливался А.Л. Бемом как архетипический. В художественном мире Достоевского он являлся выражением его центральной проблемы, связывающей личность и творчество писателя в единое целое: "...именно в отъединении от жизни, в замкнутости личности всех основных героев произведений Достоевского надо искать внутренний смысл его творчества... В сущности, Достоевский

рисует нам все одного и того же "отщепенца", но каждый раз он показывает нам иную его психологическую разновидность" [15, с.189].

Следует отметить, что ни один из названных подходов к творчеству Достоевского не получил своего развития в отечественном литературоведении 30-х годов. Вместо этого в обществе возобладали тенденции по преодолению "достоевщины" как явления, препятствующего, по словам М. Горького, "внутренней реорганизации не только в социально-политическом смысле, но и в психологическом" [16, с.140], служащего опорой реакции и декадентства [см. 17].

Резко негативная оценка, данная М. Горьким повести "Записки из подполья" на Первом Всесоюзном съезде советских писателей, на долгое время укоренилась в советском литературоведении.

Признавая сильное влияние Достоевского на ряд писателей Европы, Горький полагал, что ему "принадлежит слава человека, который в лице героя "Записок из подполья" с исключительно ярким совершенством живописи словом дал тип эгоцентриста, тип социального дегенерата" и "фигурой своего героя показал, до какого подлого визга может дожить индивидуалист из среды оторвавшихся от жизни молодых людей XIX-XX столетий" [18, с.11]. По убеждению Горького, человек из "подполья" вмещал в себе "характернейшие черты" Фридриха Ницше, Оскара Уайльда, Бориса Савинкова и героев романов Гюйсманса "Наоборот", "Ученика" Бурж и "Санина" Арцыбашева и еще многих "социальных вырожденцев" [там же]. При этом Горький не разграничивал сущность "подпольного" героя и духовные искания Достоевского: "Достоевскому приписывается роль искателя истины. Если он искал – он нашел ее в зверином, животном начале человека и нашел не для того, чтобы опровергнуть, а чтобы оправдать" [там же].

Со сходных позиций в 50-е годы оценивал творчество Достоевского В. Ермилов. В очерке, предваряющем десятитомное собрание сочинений писателя, он назвал его "субъективнейшим" художником и, как М. Горький,

не отделял героев произведений Достоевского от его личности, полагая, что "они всегда являлись его личной исповедью" [19, с.7].

"Записки из подполья" В. Ермилов оценивал как одно из наиболее реакционных произведений, где велась не только "злая полемика" с романом "гениального" русского революционера-демократа Н.Г. Чернышевского, но и была рассказана "история морального преступления". При этом "перед лицом совести всего человечества" роль самого Достоевского в моральном преступлении признавалась "тяжелой", потому что "о преступлении нельзя рассказывать со злорадством!" [там же, с.42–43].

Советский ученый Ю. Кудрявцев выделял "три более или менее четко очерченных периода в достоевковедении. Первый – до тридцатых годов: преобладает творческий подход. Второй – до середины пятидесятых: преобладает подход догматический. Третий – по настоящее время (т.е. до 1974 г. – Ю.Р.): творческий подход упорно стремится занять господствующее положение в науке о Достоевском. (...) Господство это далеко еще не достигнуто. (...) Но те достижения в науке о Достоевском, которые появились за последние почти двадцать лет, обязаны подходу творческому" [20, с.10].

Характерным примером литературоведческого анализа, в котором отразились оба эти подхода к наследию Достоевского, могут служить труды В. Кирпотина. Исследуя произведения шестидесятых годов и, в частности, повесть "Записки из подполья", автор пришел к выводу о значимости ее поэтики для всего последующего творчества автора и специфичной для него романной формы: "Поэтика "Записок из подполья" содержит в неразвернутом виде поэтику позднейших романов Достоевского. (...) Слияние философствования с повествованием, растворение его в повествовании ... вскоре после "Записок из подполья" привело к созданию первого великого романа Достоевского – "Преступление и наказание", романа нового, специфичного для Достоевского типа" [21, с.472, 475].

По мнению В. Кирпотина, гениальность Достоевского-художника в "Записках из подполья" выразилась в том, что "он почувствовал и необычайно убедительно выразил психологию философского переживания" [там же, с.472]. Показав, как формируется или деформируется характер под влиянием убеждений, он сумел отобразить "кристаллизацию человеческого типа", что позволило ему "дать модификацию типа "лишнего человека" уже не из дворян, а из разночинцев, из мещан, художественное значение которого приобретало всемирное значение..." [там же].

Отделяя Достоевского от его героя и рассматривая "Записки из подполья" не как публицистику, а как полноценное художественное произведение, В. Кирпотин признавал правду выраженного в повести авторского видения, сохраняющего свою эстетическую природу. Однако сквозь эстетику Достоевский "всматривался в онтологию, в философию мира, космоса и общества", но так, – оговаривался В. Кирпотин, – "как он их понимал, конечно" [там же, с.175]. Понимание же писателя, по оценке В. Кирпотина, было неадекватно идеям передовых людей общества; в полемике Достоевского с Чернышевским именно Чернышевский "стоял на верном пути"; свои гениальные художественные открытия Достоевский сделал вопреки своим реакционным убеждениям.

Как отмечал Ю. Кудрявцев, учитывая факты множества "резких и резчайших суждений... по адресу глубочайшего произведения Достоевского "Записки из подполья", можно было считать победой творческого подхода то, что впоследствии к "Запискам..." немного подобрали": в комментариях к полному собранию сочинений "отсутствует резкость по отношению к повести". Однако оставался главный недостаток – "непонимание философской и социальной ее глубины" [20, с.12].

Коренной перелом в трактовке "Записок из подполья" произошел во второй половине 80-х годов XX-го столетия. Среди литературоведов прочно утвердилось мнение о значимости этого произведения для творческого наследия Достоевского.

Была преодолена ошибка в отождествлении писателя с его персонажем, в результате которой автору нередко предъявляли обвинение в преступлениях, которых он не совершал (имеется в виду, прежде всего, сцена надругательства "подпольного" героя над Лизой). Было признано влияние образа "подпольного" человека на творчество экзистенциалистов; при этом последнее стало рассматриваться не как объект для критики, а как явление мировой культуры. Было выявлено, что для определения литературной генеалогии образа "подпольного" героя, как и героев-идеологов больших романов Достоевского, "необходимы... крупные, эпохальные масштабы, захватывающие евангельскую мифологию, средневековую легенду, классическую трагедию" [22, с.66]. Таким образом, человек из "подполья" был признан равным таким значительным образам мировой литературы, как Гамлет и Фауст; "Записки из подполья" стали считать "программным произведением Достоевского, в котором он возвестил о своем социально-психологическом открытии, дал название этому явлению" [23, с.103].

Как уже отмечалось, на современном этапе исследования повести Достоевского интерес к ней, по-прежнему, не ослабевает. Огромное количество работ посвященных проблематике этого произведения побуждает исследователей к попыткам их систематизации. В частности, О. Дилакторская выделяет такие проблемные направления, сложившиеся в истории изучения "Записок из подполья": "во-первых, осмысления личности героя; во-вторых, осознания философского фона повести; в-третьих, отражения авторского присутствия (биографического и мировоззренческого аспекта); в-четвертых, выявления плана реминисценций и рецепций; в-пятых, соотнесения повести с последующим творчеством писателя и, наконец, в-шестых, оценки ее жанра" [цит. по 24, с.42].

На наш взгляд, в качестве ведущих направлений современного этапа в изучении повести Достоевского необходимо выделить следующие: первое, связанное с философским осмыслением "Записок из подполья" [см., например, 25–28]; второе, рассматривающее идейно-художественное влияние

этого произведения на культурное наследие ряда выдающихся писателей XX века [например, 29–31].

Если в работах второго направления проблематика "Записок из подполья" рассматривается через призму анализа творчества созвучных художников то исследования, относящиеся к первому направлению, по сути, продолжают традиции сложившегося еще к двадцатым годам ушедшего века и насильственно прерванного в последующем религиозно-философского подхода.

По мнению авторов этих исследований, в повести русского писателя нашли свое отражение проблемы, волновавшие еще Сократа и Аристотеля, Руссо, Гегеля; в ней были поставлены вопросы, оказавшиеся позднее в центре внимания таких видных мыслителей, как В. Розанов, Л. Шестов, Ф. Ницше, Н. Бердяев, С. Булгаков и многих других. Проблемы свободы человеческого духа и необходимости личного осознания и испытания нравственной природы человека, трагедия бытия и человеческой ответственности, воплощенные в повести Достоевского, определяют богатство ее философского содержания и связь с философской традицией в целом.

Среди работ, посвященных философскому осмыслению повести Достоевского, весьма перспективными, на наш взгляд, являются исследования, в которых данное произведение рассматривается с точки зрения архетипного подхода в литературоведении, который все более активно заявляет о себе в последнее время. Исследователи данного направления, опираясь на учение об архетипах К.Г. Юнга и теоретическую базу, заложенную в трудах А. Веселовского, А. Потебни, А. Бема, М. Бахтина, О. Фрейденберг, В. Топорова, А. Нямцу и др., на материале произведений классиков мировой литературы рассматривают мифологемы, архетипические образы, собственно архетипы. При этом образ человека из "подполья", учитывая колоссальное влияние, оказанное им как на важнейшие культурные течения XX века, так и на мировую литературу, однозначно

квалифицируется как архетипический. Став "частью словаря мировой культуры", имя главного героя повести Достоевского употребляется уже как "термин" [32, с.202], в наше время он мыслится уже как "архетипический образ, а не рассказчик из жанра исповеди в традиционном понимании" [33, с.156]. Значимость "подпольного" героя заключается в том, что его мироощущение отображает один из общечеловеческих мотивов с непостижимым постоянством проявляющихся не только в мифах, верованиях разных времен и народов, но и в духовном опыте каждого отдельно взятого индивидуума. "Подпольный" герой остается всегда современным, потому что каждое поколение находит в нем отражение части себя. (Как отмечает И. Гарин: "Подпольные люди – везде: наполеоновская идея рождается в подполье, идея свободы рождается в подполье, ужасающие замыслы и великие идеи рождаются в подполье, революция приходит из подполья и реакция уползает туда. Есть катакомбная культура, андерграунд, подвалы музеев и подвалы, в которых творят..." [34, с.114].) Таким образом, "Записки из подполья", оставаясь одной из наиболее читаемых книг современности, не утрачивают своей значимости и в веке нынешнем.

Перспективность исследований, осуществляемых в рамках архетипного подхода в изучении "подпольного" образа, состоит в том, что они помогают найти ответ на ряд важных вопросов, остающихся в центре внимания современных литературоведов: о подлинном месте человека из "подполья" в творчестве Достоевского, о выраженности и/или невыраженности "подпольных" черт во *всех* его героях и о средствах поэтического воплощения "подпольного" феномена, о влиянии образа "подпольного" героя на творчество классиков мировой литературы, породившем целую галерею "подпольных" характеров.

Выводы

Повесть "Записки из подполья" в современном понимании – весьма значительное произведение Достоевского, ставшее не только предтечей его великих романов, но и "прологом к литературе XX века" [34, с.112].

Однако такое понимание значимости этого произведения отмечалось далеко не всегда. Не получив сразу после публикации должной оценки, повесть Достоевского обрела таковую лишь десятилетия спустя – в русской философской критике рубежа XIX–XX веков; эта высокая оценка была закреплена в сформировавшемся к 20-м годам минувшего века религиозно-философском подходе к творчеству Достоевского.

В советский период повесть Достоевского оценивалась резко негативно; эту ошибку начали осторожно исправлять лишь в последней четверти XX века, а окончательное преодоление предвзятости в оценке произведения стало возможным лишь в эпоху переосмысления прежних социальных ценностей.

На современном этапе выделяются два основных направления в изучении "Записок из подполья". Первое – развивающее традиции религиозно-философского подхода; второе – рассматривающее проблематику этого произведения сквозь призму анализа творчества созвучных художников. При этом все с большей силой заявляют о себе работы, отражающие архетипный подход в литературоведении, поскольку "подпольный" герой однозначно квалифицируется учеными как архетипический образ. Исследования обоих направлений и, в частности, те, что проводятся в рамках архетипного подхода, призваны уточнить существующее представление о месте "подпольного" героя в художественном мире Достоевского, а также исследовать влияние "подпольного" образа на творчество классиков мировой литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гроссман Л.П. Достоевский. –М.: Молодая гвардия, 1963. –544с.

2. Farris J.P. Current Bibliography, 1994 // Dostoevsky Studies. The Journal of the International Dostoevsky Society. New series. –Dresden Univ. Press, 1998. –Vol. 2. –№1. –P.179–217.
3. Farris J.P. Current Bibliography, 1995–1997 // Dostoevsky Studies. The Journal of the International Dostoevsky Society. New series. –Dresden Univ. Press, 1998. –Vol. 2. –№2. –P.103–187.
4. Farris J.P. Current Bibliography, 1998–1999 // Dostoevsky Studies. The Journal of the International Dostoevsky Society. New series. –Tubingen: Attempto Verlag, 1999. –Vol. 3. –P.101–193.
5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30-ти т. –Л.: Наука, 1972–1990.
6. Михайловский Н.К. Литературно–критические статьи. –М.: Гослитиздат, 1957. –664с.
7. Ерофеев В.В. Разноцветная мозаика розановской мысли // Розанов В.В. Несовместимые контрасты жития. –М.: Искусство, 1990. –С.6–36.
8. Розанов В.В. Несовместимые контрасты жития. –М.: Искусство, 1990. –605с.
9. Шестов Л.И. Философия трагедии. –М.: ООО Изд-во АСТ; Харьков: Фолио, 2001. –480с.
10. Из архивов А.М. Горького // Русская литература. –1968. –№2.
11. Мережковский Д.С. Л.Толстой и Достоевский. Вечные спутники. –М.: Республика, 1995. –624с.
12. Бердяев Н.А. Мирозерцание Достоевского // Н.А. Бердяев о русской философии. –Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. –Ч.1. –С.26–148.
13. Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. –Пб.: Мысль, 1922. –517с.
14. Бубеникова М. Возвращение мастера // Эмигрантский период жизни и творчества А.Л. Бема. Каталог выставок. –СПб.: Серебряный век, 1999. –С.3–15.

15. Бем А.Л. Достоевский: Психоаналитические этюды. – Берлин: Петрополис, 1938. – Reprinted by "Ardis". – Ann Arbor, 1983. – 190p.
16. Горький М. Собрание сочинений: В 30-ти т. – М.: ГИХЛ, 1950. – Т.24. – 576с.
17. Герасимов Ю.К. Союзники по "преодолению Достоевского": М. Горький и Д. Мережковский. Статья 1. М. Горький // Достоевский. Материалы и исследования. – СПб.: Наука, 2000. – Т.15. – С.27–43.
18. Первый всесоюзный съезд советских писателей 1934г. Стенографический отчет. – М.: Советский писатель, 1990. – 719с.
19. Ермилов В.В. Ф.М. Достоевский. Очерк творчества // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 10-ти т. – М.: ГИХЛ, 1956. – Т.1. – С.7–76.
20. Кудрявцев Ю.Г. Три круга Достоевского. – 2-е изд., доп. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 400с.
21. Кирпотин В.Я. Избранные работы: В 3-х т. – М.: Худож лит., 1978. – Т.2. – 485с.
22. Назиров Р.Г. Творческие принципы Ф.М. Достоевского. – Саратов, 1982. – 160с.
23. Захаров В.Н. Система жанров Достоевского (типология и поэтика). – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1985. – 208с.
24. Гоичкина А.В. "Записки из подполья": слово героя // "Достоевский и мировая культура": Альманах. – СПб.: Серебряный век, 2000. – №15. – С.42–64.
25. Семак О. "Человек из подполья" Достоевского как философ постмодернизма, или искушение свободой // "Достоевский и мировая культура": Альманах. – М.: Классика плюс, 1998. – №10. – С.7–12.
26. Miller R.F. Dostoevsky and Rousseau // Dostoevsky (New Perspectives). Ed. by R.L. Jackson. – USA, 1984. – P.83–92.

27. Berry T.E. Dostoevsky and Socrates: The Underground Man and "The Allegory of the Cave" // *Dostoevsky Studies. Journal of the International Dostoevsky Society.* – Vol.6, 1985. – P.157 – 164.
28. Jackson R.L. Aristotelian Movement and Design in Part Two of Notes from the Underground // *Dostoevsky (New Perspectives).* Ed. by R.L. Jackson. – USA, 1984. – P.66 – 82.
29. Пушкарев А.А. Достоевский и Музиль: возрождение высокой трагедии // *Wiener Slawistischer Almanach*, 1993. – №31. – P.75–98.
30. Smith J. Religious Feeling and Religious Commitment in Faulkner, Dostoyevsky, Werfel and Bernanos. – N.Y.: Garland, 1998. – 290p.
31. Dodd W.J. Kafka and Dostoyevsky. – Gt. Brit., 1992. – P.80–107.
32. Frank J. Notes from Underground // *F. Dostoevsky. Notes from Underground / Transl. and ed. by M.R. Katz.* – N.Y., 1989. – P.202–237.
33. Matlaw R.E. Structure and Integration in Notes from the Underground // *F. Dostoevsky. Notes from Underground / Transl. and ed. by M.R. Katz.* – N.Y., 1989. – P.156–171.
34. Гарин И.И. Многоликий Достоевский. – М.: ТЕРА, 1997. – 396с.